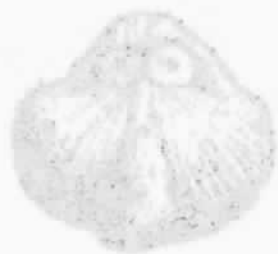

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY

**THE TRADITIONS
OF
THE RUSSIAN ARCHAEOLOGY**

IHMC METHODOLOGICAL SEMINAR PAPERS

St.-Petersburg
1996

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

**ТРАДИЦИИ
РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ**

МАТЕРИАЛЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ИИМК РАН

Санкт-Петербург
1996

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Выпуск 33

Редакционная коллегия:

В. М. Массон (отв. редактор),

С. В. Белецкий, Л. Б. Кирчо.

Компьютерный набор и верстка:

Н. А. Лазаревская, Л. Б. Кирчо

ПЕЧАТАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ РАН И РОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ISBN 5-201-01182-9

Ваше Императорское Высочество,

Милостивѣйшій Государь.

Согласно съ желаніемъ Вашего Императорскаго Высочества, изъявленнымъ въ почтеннѣйшемъ отношеніи отъ 12 сего апрѣля за № 167, я вошелъ с представленіемъ въ комитетъ гг. министровъ объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на учрежденіе въ С.-Петербургѣ Археологическо-Нумизматическаго Общества, — о чемъ считаю обязанностію довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества.

С глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть, Милостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Высочества покорнѣйшимъ слугою
Уваровъ.

Въ засѣданіи комитета министровъ 23 апрѣля того же года было постановлено разрешить учрежденіе Археологическо-Нумизматическаго Общества и утвердить статуты, поднеся ихъ на благоусмотрѣніе Государя Императора.

Статуты удостоились Высочайшаго разсмотрѣнія в г. Варшавѣ 15 мая, о чемъ комитетъ министровъ постановилъ увѣдомить выпискою министра народнаго просвѣщенія:

«Выписка изъ журналовъ комитета министровъ 23 апрѣля и 21 мая 1846 г. № 1142:

Слушана записка министра народнаго просвѣщенія, отъ 16 апрѣля за № 498 (по канцеляріи), объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Археологическо-Нумизматическаго Общества.

Комитетъ полагалъ: разрѣшить учрежденіе означеннаго Общества и утвердить составленные для онаго Статуты, согласно съ представленіемъ министра народнаго просвѣщенія, поднеся Статуты на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества; на утвержденіе же Его Императорскаго Высочества герцога Лейхтенбергскаго председателемъ сего Общества испросить Высочайшее соизволеніе.

На сіе положеніе комитета послѣдовало собственноручное Его Императорскаго Величества повелѣніе: «Согласенъ», а Статуты удостоены разсмотрѣнія Его Величества въ Варшавѣ 15 мая 1846 года.

Комитетъ въ засѣданіи 21 мая опредѣлилъ: сообщить о томъ министру народнаго просвѣщенія къ исполненію выпискою изъ журнала, возвративъ ему и Статуты».

Управляющій дѣлами комитета, статсъ-секретарь *Ханьковъ.*

передали своему командиру. По его имени комплекс вошел в науку как курган Патиниоти. В 1830 г. была открыта знаменитая Куль-Оба, в 1832 г. — уникальный по конструкции склеп Золото-го кургана. На следующий год начаты раскопки царского кургана, приведшие в 1837 г. к открытию самого грандиозного и впечатляющего из боспорских склепов с уступчатым перекрытием. В 1839 г. был исследован курган на землях мирзы Кекуватского, в сравнении с Куль-Обой по инвентарю достаточно скромный, но давший любопытный пример смешения греческих и туземных черт в погребальной обрядности. Хорошо известно, что эти выдающиеся открытия не только сопровождали, но в чем-то и стимулировали настоящее разграбление “золотоносных курганов” Боспора. Официальная установка ориентировала раскопщиков на получение первоклассных произведений греческого искусства для пополнений коллекции Императорского Эрмитажа. Эта установка исходила от “первого художника” империи — императора Николая I. Но историко-искусствоведческий подход к памятникам классической древности, разумеется, был характерен для многих видных деятелей науки того времени (А. Н. Оленин и др.), разделялся он и археологами, проводившими полевые изыскания.

Период зарождения и становления классической археологии в России, как принято считать, завершился ок. сер. XIX в. Это осознавалось исследователями прошлого (К. К. Герц, Ю. Ю. Марти) и подтверждается современными учеными (А. А. Формозов, И. В. Тункина). А. А. Формозов указывает на два важных события, подводящие итог первому этапу, и очень значимых для дальнейшего развития отечественной археологии, в особенности археологии античной, — создание Одесского общества истории и древностей (ООИД) в 1839 г. и ИАК в 1869 г.

Показательно, что именно к этому времени появляются не только исследования отдельных частных вопросов греческой истории Северного Причерноморья, но и обобщающие труды, в которых нашли отражение имеющиеся археологические материалы. Среди них — А. Б. Ашик “Боспорское царство” (1848), В. В. Григорьев “Цари Боспора Киммерийского” (1851), Б. В. Кене “Исследование об истории и древностях города Херсонеса Таврического” (1848), П. П. Сабатье “Керчь и Боспор” (1851), Г. И. Спасский “Боспор Киммерийский с его древностями и достопри-

мечательностями” (1846). Наконец, в 1854 г. были изданы “Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитаж”, свод, без которого невозможно обойтись и современным исследователям Боспора.

В заключении следует обратить внимание на несколько характерных особенностей периода становления античной археологии в нашей стране:

1. Античная археология в это время занимала ведущие позиции в российской археологической науке.

2. Классическая археология в России начинает формироваться, в основном, как археология боспорская. В силу многих причин древности Боспора Киммерийского привлекали большее внимание ученых, чем древности других центров распространения античной культуры на северном берегу Черного моря (Ольвия, Херсонес). Археологические раскопки, разумеется, проводились не только в районе Керченского пролива, но они не находили необходимого отклика в научных и общественных кругах, ликвидация этого крена потребовала немалого времени.

3. Уже первые археологические открытия (кург. Патиниоти, Куль-Оба, Кекуватского и др.) очень наглядно продемонстрировали своеобразие северопричерноморской античной культуры. Классическая археология Северного Причерноморья с самого начала стала включать в себя древности не только собственно греческие, но и скифские.

4. Следует согласиться с В. Ф. Генингом, что античная археология на этом этапе исполняла роль поставщицы иллюстрирующего материала для истории культуры, литературы и искусства. Эти “родимые пятна” в полной мере не изжиты до сих пор.

А. Н. Щеглов, И. В. Тункина
(Санкт-Петербург)

Из истории изучения античного культурного ландшафта в Крыму

(конец XVIII — первая половина XX в.).

Начало фиксации следов и остатков древнего культурного ландшафта в Крыму было положено в конце XVIII в. русскими военными топографами, которые вели съемку окрестностей Севас-

тополя. В 1783 г. князь Г. А. Потемкин поручил К. И. Габлицу (с 1788 г. таврическому вице-губернатору) составить описание Крыма "по всем трем царствам природы" и выделил средства для производства топосъемок. В 1786 г. по распоряжению К. И. Габлица была выполнена широко теперь известная топографическая съемка Гераклейского п-ва с нанесением на нее видимой на поверхности сети древних дорог ("улиц") и развалин построек.

Уменьшенная копия плана 1786 г. и комментарий К. И. Габлица к нему были опубликованы митрополитом Евгением Болховитиновым в 1822 г., но без упоминания непосредственного исполнителя съемки. Опираясь на факсимиле плана, который хранился в собрании Одесского общества истории и древностей, А. Л. Бертье-Делагард (1893) посчитал, что автором топосъемки был Ананий Строков (Струков, Стрелов). С легкой руки В. Д. Блаватского, несколько раз публиковавшего уменьшенные копии плана в 50–60-х гг. нашего века, в русскую и мировую литературу он вошел под названием плана Строкова.

Однако в архивных документах есть упоминание, что подпоручик А. Строков был назначен таврическим областным землемером лишь 5 февраля 1788 г., т. е., спустя два года после данного плана, а 19 сентября того же года он был переведен на должность провиантмейстера Перекопской провиантской комиссии. Следовательно, автором топосъемки Гераклейского п-ва он быть не мог.

Нами в РГВИА обнаружена подлинная съемка 1786 г. с автографом К. И. Габлица. На плане стоит подпись "Чертил топограф 2 класса Пепелев". Таким образом, авторство безусловно принадлежит Пепелеву, а не Строкову. Наиболее вероятно, что именно этот экземпляр был преподнесен Екатерине II вместе с сочиненным Габлицем описанием Крыма во время ее путешествия в 1787 г. Еще одна уменьшенная и искаженная копия, составленная в 1-й пол. XIX в., выявлена нами в ЦГВМА.

План 1786 г. выполнен с высокой точностью (М 1:21000). Площадь съемки более 100 км². Он является первой в европейской науке тематической археолого-топографической картой, на которой отображены остатки античной межевой системы (*кадастра*) на аграрной территории греческого периферийного полиса Херсонеса Таврического. Первое описание остатков античного культурного ландшафта на Гераклейском п-ве сделано членом Петер-

бургской Академии наук П.-С. Палласом во время натурального обследования Гераклейского п-ва в 1794 г. Есть основания думать, что он был знаком с картой, созданной по инициативе Габлица.

Считаем необходимым заметить, что второй, подобный херсонесскому греческий кадастр, но несравнимо худшей сохранности, был открыт и картографирован в Южной Италии в окрестностях Метапонта с помощью аэрофотографии Г. Шмидтом и Р. Шевалье спустя более 160 лет после первой топосъемки и научного обследования Гераклейского полуострова. Изучение аграрного ландшафта Метапонта, ставшего классическим для западной периферии греческого мира благодаря усилиям Д. Адаместеану, велось под воздействием исследований на хоре Херсонеса на Гераклейском п-ве, которые были начаты в конце XVIII в., но получили широкую известность только 50-х гг. уходящего столетия благодаря обмерам С. Ф. Стржелецкого. До настоящего времени аграрная структура Херсонесского территориального полиса остается единственным примером наиболее полно и всесторонне изученного культурного ландшафта в ареале расселения греков в средиземноморско-черноморском регионе.

Еще один документ, обнаруженный нами в ЦГВИА, заслуживает пристального внимания. Это "План древней развалившейся с городовым строением крепости Таврического Херсонеса, с показанием облегающей вокруг ситуации на 1 версту", название которого прямо указывает, что он составлялся целенаправленно как археолого-топографическая карта. План был снят методом глазомерной съемки в 1811 г. и подписан инженер-полковником Хапоновым. Чертил его инженер-поручик Лимудин. Ценность карты заключается не только в том, что она представляет собой документ, относящийся к истории археологии, но главным образом в том, что только на ней показаны уничтоженные и застроенные остатки античного культурного ландшафта в ближайших окрестностях Херсонесского городища, т. е. на той территории, которая не была охвачена съемкой 1786 г. Анализ плана в сопоставлении с современными материалами аэрофотосъемки показал высокую степень информативности документа для реконструкции херсонесского кадастра на Гераклейском п-ве.

Следующая по времени археолого-топографическая карта Гераклейского п-ва была составлена и опубликована швейцарским пу-

тешественником Ф. Дюбуа де Монпере (1841) с соответствующим описанием, в котором автор реконструировал древний культурный ландшафт. Но мало кому известно, что дневники и графические материалы Дюбуа де Монпере, относящиеся к началу 30-х гг. XIX в., хранятся в Архиве РАН в Санкт-Петербурге. Они являются важными документами для понимания хода научной мысли автора и объясняют допущенные им ошибки при формальном наложении дневниковых схем на весьма точную для начала XIX в. русскую военно-топографическую карту.

Дюбуа де Монпере был тем последним исследователем уже угасшего "века просветительства", который завершил блестящую плеяду своих предшественников – направленных Петербургом в Крым просвещенных администраторов, военных топографов высочайшего класса и ученых-энциклопедистов.

Начиная с 30-х гг. XIX в. интерес к изучению древнего ландшафта и к комплексным региональным исследованиям угас. С этой точки зрения работы З. Аркаса (Ираклийский полуостров и древности его) и П. Беккера (Herakleotische Halbinsel) в сравнении с трудами Палласа и Дюбуа де Монпере значительно проигрывают, так как почти не несут в себе точной информации о археологических реалиях.

Ровно через сто лет после создания первой археолого-топографической карты, в 1886 г. Генштабом проводилась новейшая мензульная военно-топографическая съемка Севастополя и его окрестностей в крупном масштабе (1:21000). Лучший в то время знаток археологических памятников Крыма А. Л. Бертье-Делагард попросил военного топографа Тяпина, которому была поручена съемка двух планшетов в западной части Гераклеийского п-ва, нанести на топооснову все видимые на поверхности следы древних стен, валов и других руин. В результате была создана уникальная археолого-топографическая карта части античного *кадастра* (межевой системы) Херсонеса. Карта была издана Генштабом и сначала продавалась свободно, но очень скоро она получила гриф "секретно". При последующих изданиях съемки 1886 г. в М 1:42000 археологическая нагрузка была с карты удалена.

Архивные данные, хранящиеся в ИИМК, свидетельствуют, что А. Л. Бертье-Делагард понимал, что карта Тяпина при всей объективности отображения археологической ситуации сделана не

археологом-профессионалом, а военным топографом. Поэтому она требовала проверки, детализации и исправления специалистом. Но в то время интересы науки стояли далеко в стороне от региональных и ландшафтных исследований.

В 1910–11 г. была предпринята еще одна независимая от предшествовавших работ кон. XVIII – нач. XIX в. попытка изучения античного культурного ландшафта в Юго-Западном Крыму. Речь идет об открытии петербургским артиллерийским офицером Н. М. Печенкиным редчайшей по сохранности херсонесской межевой системы IV в. до н. э. на Маячном п-ве. Единственный, кто понял и объяснил значимость открытия Печенкина для археологии **всего** греческого мира, был М. И. Ростовцев. Он же сформулировал программу конкретных исследований и по сути дела наметил путь нового направления в античной археологии на уровне знаний, накопленных к началу XX в. Однако ни российская, ни мировая наука тогда еще не были подготовлены к тому, чтобы оценить важность идей Ростовцева и понять их.

Однако начатое дело не угасло. Полевые исследования возобновились в 20-х гг. Назначенный Археологической Комиссией в качестве заведующего раскопками Херсонеса Л. А. Моисеев стал первым, кто сверил карту 1786 г. с археологическими памятниками в Ю части Гераклеийского п-ва. Именно ему, а не С. Ф. Стржеleckкому (как принято считать в современной историографии) принадлежит честь открытия и фиксации классической стандартной земельной площади на херсонесской хоре величиной в 26,5 га (420х630 м). Он же был первым, кто распространил свои поиски на территорию всего Западного Крыма. Однако его топографические съемки херсонесского кадастра исчезли вместе с его арестом. Нам их разыскать пока не удалось.

Большую лепту в изучение древнего ландшафта Гераклеийского п-ва внес до своего разгрома в нач. 30-х гг. Севастопольский музей краеведения (под руководством братьев В. П. и П. П. Бабенчиковых и научной эгидой Н. И. Репникова, который в свое время помогал Печенкину). В результате этих усилий, осуществленных с участием в разведках севастопольских школьников С. Н. Бибикина, А. Н. Бернштама, братьев В. П. и М. П. Веймарнов, С. Ф. Стржеleckкого, которые стали впоследствии профессиональными археологами и внесли свой вклад в науку, был написан пе-

рвый в мировой археологии синтетический труд по изучению культурного ландшафта конкретного периферийного греческого полиса – Херсонеса Таврического. Книга была подготовлена к печати в ИИМК к концу 30-х гг. Н. И. Репниковым, В. П. и П. П. Бабенчиковыми. Она должна была быть напечатана в 1941 г. в Ленинграде. Но война поставила точку. Рукопись хранится в архиве ИИМК. Она, на наш взгляд, должна быть издана не только как памятник науки, описания и идеи авторов которого были позднее использованы (без ссылок!), но и как свод источников, многие из которых ныне утрачены.

Еще одну попытку дать реконструкцию херсонесского культурного ландшафта первых веков н. э., основанную на анализе карты Тяпина, сделал во 2-й пол. 30-х гг. сотрудник Херсонесского музея, вышедший из молодежи ГАИМК, В. П. Лисин. Он погиб в партизанском отряде в Крыму во время войны. Рукопись его диссертации хранится в архиве Херсонесского заповедника.

Изучение херсонесского кадастра в Юго-Западном Крыму возобновил в 1950 г. другой сотрудник Херсонесского музея, воспитанник Севастопольского музея краеведения и ГАИМК, С. Ф. Стржелецкий. Но это следующий этап, который лежит за пределами нашего сообщения. Отметим только, что работы С. Ф. Стржелецкого стали классическими в античной археологии средиземноморско-черноморского региона. Они продолжили то направление, которое мы вправе назвать традицией петербургской школы, начало которому было положено в кон. XVIII в. Конкретные исследования С. Ф. Стржелецкого, опубликованные в 1951–61 гг. и инициированная ими сводная работа В. Д. Блаватского о античном земледелии в Северном Причерноморье (1953) легли в основу современного систематического изучения хоры греческих полисов. Изложения результатов работ российских и украинских археологов в 50–80-х гг., сделанные Я. Печиркой и М. Дуфковой (Карлов университет, Прага) и А. Вонсович (ИИМК, Варшава), чьи обзоры систематически печатались в англо- и франкоязычных изданиях, надо думать, в немалой степени способствовали становлению и развитию ландшафтной археологии античного мира.

А. И. Филатов
(Симферополь)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В КРЫМУ ДО 1917 ГОДА

Крымский п-в с его богатыми и уникальными памятниками истории и культуры различных эпох и многих народов – от палеолита до современности – на протяжении двух последних столетий находится в центре внимания ученых различных областей знаний и широкого круга местных исследователей-краеведов.

После присоединения в 1783 г. территории Крыма к России, началось активное освоение края, строительство новых городов, морских портов, на сооружение которых с разрешения Г. А. Потемкина и П. А. Зубова разбирались остатки древних укреплений и зданий. Царским манифестом от 15 февраля 1798 г. переселенцы получили различные льготы. В частности, 3-й пункт этого документа разрешал поселившимся в Феодосии и Евпатории “пользоваться камнем из древних развалин и лесом из казенных дач горной части Крыма”. Через два года манифест был отменен, но жители продолжали усердно ему следовать. При разрушении древних сооружений и могильников находили уникальные предметы, которые продавали, вывозили за границу или переплавляли.

Такое положение дел вызывало озабоченность среди прогрессивных деятелей России. В 1804 г. академик Петербургской АН Е. Е. Келлер, посетивший Крым, посчитал необходимым обратить внимание правительства на этот вопрос. На основании его доклада в 1805 г. правительством было издано распоряжение “Об ограждении от разрушений памятников древности в Крыму”. Но действие этого документа распространялось только на государственные земли. Частные землевладельцы распоряжались судьбой древностей на своих землях по своему усмотрению. Особая заслуга Е. Е. Келлера в том, что он предпринял первую попытку натурного обследования памятников Крыма, их регистрации.

В защиту уникальных памятников Крыма выступали также И. М. Муравьев-Апостол, В. В. и С. В. Капнисты, И. А. Стемповский, И. П. Бларамберг, П. И. Кеппен. Так, в 1819 г. поэт и драматург В. В. Капнист, путешествуя по Крыму, увидел плачевное состояние древних сооружений. Он направил письмо министру

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Н. Матюшин РУССКОЕ (РОССИЙСКОЕ) АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ.....	7
В. М. Массон РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В "КЛАССИЧЕСКИЙ" И "ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКИЙ" ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ.....	10
И. А. Майзель ТРАДИЦИИ В РАЗВИТИИ НАУКИ.....	13
Р. В. Васильева ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ. ТРАДИЦИИ И НАСЛЕДИЕ.....	15
И. Л. Тихонов К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ И СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА "АРХЕОЛОГИЯ" В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ НАУКЕ.....	17
М. В. Аникович У ИСТОКОВ РОССИЙСКОГО ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИЯ.....	21
Ю. А. Виноградов О СТАНОВЛЕНИИ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ.....	24
А. Н. Щеглов, И. В. Тункина ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В КРЫМУ.....	27
А. И. Филатов СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В КРЫМУ ДО 1917 ГОДА.....	33
В. П. Никоноров ВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.....	37
Д. Абдуллоев СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В РАИМК-ГАИМК- ИИМК.....	40

Б. Я. Ставиский ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ.....	43
К. Х. Кушнарева ПЕТЕРБУРГ-КАВКАЗ. НАУЧНЫЕ СВЯЗИ.....	47
Н. И. Платонова ПРЕДСЕДАТЕЛИ ГАИМК - Н. Я. МАРР И Ф. В. КИПАРИСОВ.....	50
А. Хойслер ЭРНСТ ФОН ШТЕРН, АРХЕОЛОГ В ОДЕССЕ И ГАЛЛЕ	54
А. Н. Щеглов Э. Р. ШТЕРН В РОССИИ.....	56
А. Н. Кирпичников ВСЕВОЛОД ВИКТОРОВИЧ АРЕНДТ. ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА УЧЕНОГО.....	58
Т. Н. Заднепровская К ИСТОРИИ БИБЛИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ.....	62
Р. Ш. Левина ФОРМИРОВАНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ-ЛЕНИНГРАДЕ ОСНОВНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ РОССИИ.....	66
Г. В. Длужневская НАУЧНАЯ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РГАК-РАИМК-ГАИМК-ИИМК В 20-30-е гг.	68
Е. А. Рябинин РОССИЙСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ.....	71
Н. А. Хан АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ В ВЯТКЕ В НАЧАЛЕ XX в.....	76
А. Е. Королев ПСКОВСКАЯ КРАЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ В XIX - НАЧАЛЕ XX вв.	78
А. Н. Наумов АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XVIII в. - 1917 г.).....	83